

остальных. Это связано с тем, что политология только несколько десятков лет назад начала применять статистические и математические методы проверки своих гипотез и теорий, поэтому многие исследования до сих пор носят вербальный характер, и понять, что же на самом деле происходит с политическими предпочтениями людей на планете, бывает очень сложно.

А с предпочтениями действительно происходит что-то радикальное. В США на выборах побеждает афроамериканец, в Таиланде суд отстраняет от власти премьера за фальсификацию результатов выборов — и тот уходит! В Греции молодежь воюет с полицией, министр внутренних дел подает в отставку, правда, отставка не принимается.

Возможно ли, что информационные технологии делают махинации правящих кругов все более известными простым людям? Ведь даже если власти контролируют прессу, они не могут полноценно контролировать интернет. Возможно ли, что растущий уровень образования и концентрация образованных людей в городах смещают предпочтения медианного избирателя в сторону этического поведения лидеров?

Эксперты спорят насчет перспектив нашей страны в вопросе политического развития. «В России ожидается конвергенция политических и социальных ценностей с ценностями развитых постиндустриальных стран», — считает Михаил Дмитриев.

«Если говорить о политических предпочтениях в разрезе авторитаризм/демократия, то в России традиционно наблюдается сдвиг в сторону первого. Пока страна очень далека от того, чтобы перейти к соревновательной модели органов власти», — не соглашается Борис Минц.

ОБУЧЕНИЕ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ БУДУЩЕГО

«Академическая школа неоправданно отстает от потребностей практики... Как сократить разрыв между академическим образованием и жизненными реалиями?» — предлагают обсудить в этой сессии авторы официальной программы форума. Боюсь, у представителей западной системы образования такая формулировка вызовет ступор. Отдельные преподаватели и ученые еще могут быть оторваны от реальности, но чтобы вся академическая школа! «Что же делать, если у нас так и есть?» — спросят россияне. «А мы откуда знаем, — ответят иностранцы. — Мы до такого состояния никогда не доходили, а потому и никогда из него не выходили».

Небольшой личный опыт работы в частном американском и государственном российском вузе подсказывает, что нужно всего чуть-чуть: наладить менеджмент университетов, регулярно проводить реальный аудит качества обучения, поднять уровень программ, наладить селекцию студентов и преподавателей, поднять последним зарплату и выделять гранты на исследования, которые должны стать обязательными, помогать студентам уезжать на магистерские и докторские программы за рубеж и затем возвращаться. Все это знают, но почему-то мало кто делает.

А вот Борис Минц уверен, что фундаментальный разрыв между практикой и академией обнажился во время кризиса. «Экономическая наука в США считалась и считается самой передовой, но она, по большому счету, оказалась неспособной не то что предсказать и предложить превентивные меры по предотвращению кризиса, но даже и не продемонстрирова-

ШОК АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ МОЖЕТ УСКОРИТЬ ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ РЕЗЕРВНЫХ ВАЛЮТ

ла понимания того, что происходит, когда кризис был в самом разгаре». Правда, Борис сам же уточняет, что дело не только в ученых, но и в политиках, которые не часто слушают первых. «Наука может оказаться способной и объяснить действительность, и давать рекомендации. Однако если политики не будут предъявлять спрос на разработки, то из этого ничего не получится. Таким образом, не экономика будет отставать от реалий, а реакционное мышление политиков будет отставать от достижений науки».

Вспомнилось, как в бытность студентом я слушал курс по экономике общественного сектора одного американского профессора. Поле того, как он вывел длинную формулу для расчета оптимального налога, я спросил, применяется ли она для определения реальных налоговых ставок в США. Он ответил, что ему не всегда удается объяснить смысл этой формулы студентам, что уж говорить о политиках.

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ: РЕТРОСПЕКТИВА

Изучение истории всегда помогает лучше представлять, что может ждать нас в будущем. В истории последних 100 лет множество кризисов, и есть множество литературы по ним. Кредитные кризисы, наверное, наиболее интересны в текущей обстановке. Это, прежде всего, Великая депрессия в США, по которой Бен Бернанке написал множество статей, будучи академическим экономистом. Также интерес представляет кризис в северных странах (Финляндия,

Швеция, Норвегия) в конце 80-х — начале 90-х, именно там впервые были созданы банки «плохих активов», а также японское «потерянное десятилетие» (1990–2000), в течение которого японское правительство ждало хороших времен и все откладывало реструктуризацию обросшего плохими долгами банковского сектора.

«Кризисов избежать невозможно. Главные средства их смягчения — контрциклическая кредитно-денежная и бюджетная политика, эффективная система регулирования финансового сектора», — замечает Михаил Дмитриев.

ФИНАНСОВЫЙ ДЕНЬ

ПОСТКРИЗИСНАЯ ФИНАНСОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Глобальный финансовый порядок будет реформирован, в этом мало сомнений, хотя бы потому, что в реформах заинтересованы практически все страны, включая США. Цель изменений — снижение рисков финансовой системы мира через повышение прозрачности и контроля. Но на практике все выглядит куда сложнее. Новые финансовые инструменты слишком сложны, чтобы регуляторы могли адекватно оценивать их риски, даже их изобретатели далеко не всегда могут это сделать. Если регулятор не сможет оценить риск, он, скорее всего, будет запрещать использование инструмента до полного его изучения, как в случае с новыми лекарствами. Издержки внедрения финансовых инноваций увеличатся, и компании предпочтут их применять

вне рамок такого регулирования и контроля. Чтобы не потерять инновации, США и Европа будут добиваться от всех более или менее значимых стран мер регулирования и контроля, аналогичных своим. Сами эти страны также пострадали от кризиса и заинтересованы в контроле над рисками, если он будет равноправным.

Так и был создан 2 апреля этого года Совет финансовой стабильности (Financial Stability Board), куда вошла 21 крупнейшая страна планеты и Европейская комиссия. Для начала FSB займется мониторингом состояния крупнейших хедж-фондов, а затем и всеми остальными системообразующими финансовыми институтами и инструментами. Среди прочего, Совет будет оценивать планы компаний на случай ухудшения рыночной ситуации или даже банкротства компании.

Есть плохие новости для банковского сектора России: просрочка по кредитам и резервы на покрытие убытков по ним продолжают расти, а прибыль банков падать.

Даже после того, как с 1 января 2009 года ЦБ ослабил определение «средних» и «плохих» кредитов, увеличив допустимую просрочку на 30 дней, доля «плохих» активов, то есть кредитов, по которым уже наблюдается просрочка, на балансе российских банков, по апрельской оценке заместителя председателя ЦБ Алексея Улюкаева, составляет 10–30%. Во время кризиса 1998 года, по оценке МВФ, их было около 40%.

«Я бы оценил долю просроченной задолженности по банковской системе в 15%. Доля совсем безнадежной задолженности, разумеется, существенно ниже. Надо заметить, что кредитами дело не ограничивается. Среди „токсичных активов“ следует упомянуть и долговые ценные бумаги, по которым имел место быть технический или просто дефолт. В начале мая 2009 года объем таких активов составлял более 175 млрд рублей и 640 млн долларов США», — добавляет Борис Минц.

Существует несколько путей решения проблемы плохих кредитов. Можно ослаблять требования к резервам банка и позволять ему накапливать плохие долги в надежде, что рано или поздно кризис закончится и растущая прибыль банков позволит списать эти долги, а, возможно, и должники частично их вернут. Так Япония прожила в своем «потерянном десятилетии». Можно пойти по пути северных стран, в которых были созданы государственные фонды для скупки плохих активов и работы с ними, или по пути США, которые создают аналогичные фонды вместе с частным капиталом. Можно стимулировать сделки M&A, государство может просто заходить в капитал банков, покупая акции или обменивая их на свои облигации, большой разницы нет. Так или иначе, проблему придется решать, возможно, через комбинацию указанных выше мер.

РЕЗЕРВНЫЕ ВАЛЮТЫ

На прошлом форуме у Германа Грефа спросили, будет ли Россия частью еврозоны через 20 лет. «Это хороший вопрос. Россия будет использовать евро или еврозона будет использовать рубль? Шансы, я думаю, 50 на 50. И еще больше шансов, что мы все вместе будем использовать юань», — пошутил он.

Последние 10 лет мы видели восхождение евро как конкурента доллару. Как заметил Кайо Кох-Везер, вице-председатель Deutsche Bank Group на прошлом форуме, наличных денег, номинированных в евро,